

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 5

«МОЯ МОСКВА»

Александра Венглинская

Сезон 5 · материалы № 44–54 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Город, который дважды объяснял, чем была страна
2. День, когда Москва получила метро и Волгу сразу
3. Дом, который передвинули вместе с жильцами
4. Корабль, который никуда не поплывёт
5. Линия на планшете, которая сильнее иконы
6. Автор Дворца Советов получил приказ спрятать Москву
7. Постановление, которое разрешало вождю уехать
8. Единственный день, когда метро не открылось
9. Ведомство несостоявшегося дворца построило университет
10. Награду отобрали за дом, который не изменился
11. Что налили в фундамент Дворца Советов

Город, который дважды объяснял, чем была страна

№ в серии: 44 из 233 · № в сезоне: 1 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 08.10.2026 · ЖЖ: 18.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

15 июля 1937 года в Москву пришла волжская вода — по каналу длиной сто двадцать восемь километров. Она идёт у меня из крана и сегодня, восемьдесят девять лет спустя.

Решение об этом канале принял пленум ЦК 15 июня 1931 года — тем же заседанием, которым решили строить метро. Из всего, что я знаю о своём городе, это самый недооценённый факт.

ЧЕМ Я ПОЛЬЗУЮСЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Начну не с утрат и не со сносов, а с того, что работает.

Вода в кране — канал 1937 года.

Дорога на работу — линия, пущенная 15 мая 1935 года: одиннадцать и две десятых километра, тринадцать станций, семнадцать вестибюлей, от решения до пуска три года одиннадцать месяцев.

Гранитные набережные, по которым идёшь вдоль реки, — те самые, что превратили хозяйственную задворку в главную городскую артерию.

Крымский и Большой Каменный мосты — 1938 год, построены высокими, под волжский флот, которого тогда ещё не было.

Шпиль над Ленинскими горами — 1 сентября 1953 года. Башня в Останкине — 4 ноября 1967-го, пятьсот сорок метров, высочайшее свободно стоящее сооружение мира на момент постройки.

Ничего из этого не музей. Всё это работает девятый десяток лет и будет работать после меня.

Я живу в этом городе всю жизнь, и до меня здесь жили мои деды и прадеды. Это и есть всё моё право на притяжательное местоимение в названии сезона — не больше, но и не меньше.

ПОЧЕМУ Я СМОТРУ НА ГОРОД, А НЕ НА ЭПОХУ

Причина не сентиментальная.

Всякая власть, у которой есть ресурс, отвечает своей столицей на вопрос, чем она себя считает. Ответ дороже слов: он требует бетона, стали, отчуждённой земли и человеческого труда. И потому он честнее слов.

Сказать можно что угодно. Построить — только то, на что действительно выделены средства и решимость.

В этом смысле генеральный план — документ не менее идеологический, чем партийная программа, и куда менее склонный к лжи.

При этом начинался он не с идеологии, а с арифметики.

В 1917 году в Москве жило около одного миллиона восьмисот пятидесяти тысяч человек, к 1928-му — почти два миллиона двести тысяч, к 1936-му — около трёх миллионов шестистот тысяч, к началу 1939 года — четыре миллиона тридцать две с половиной тысячи.

Рублёвский водопровод исчерпал мощность. Москва-река обмелела так, что напротив Кремля её переходили вброд.

Реконструкция началась с вопроса, может ли город вместить тех, кто в него уже пришёл. Всё остальное легло на этот вопрос сверху.

ТРИ СОСТОЯНИЯ

Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР № 1435 от 10 июля 1935 года «О генеральном плане реконструкции города Москвы» — разработчики Владимир Николаевич Семёнов и Сергей Егорович Чернышёв — задало первое из них.

Территория растёт с двадцати восьми с половиной до шестидесяти тысяч гектаров. Население ограничивается пятью миллионами.

И формула, которую обычно пересказывают неточно обе спорящие стороны: исходить из сохранения основ исторически сложившегося города при коренной его перепланировке.

Это отказ сразу от двух предложений — законсервировать Москву как музей и снести сложившуюся застройку целиком. Оба существовали, у обоих были сторонники, оба отвергнуты документом.

Тридцатые: город становится из сложившегося проектируемым.

Сорок первый — пятьдесят третий: проект останавливается, разбирается на оборону, выдерживает — и получает завершение, задуманное как награда. Семь высотных зданий, Кольцевая линия, университет на Ленинских горах.

Пятьдесят третий — семьдесят первый: разворот, после которого столица перестаёт быть высказыванием и становится расселением.

Дальше 1971 года я не иду. Всё, что случилось с этим городом при мне и на моей памяти, — другая книга и другой разговор.

ЧЕТЫРЕ ЦИФРЫ, ВОКРУГ КОТОРЫХ ВСЁ ДЕРЖИТСЯ

Три года одиннадцать месяцев — от решения пленума до пуска метро.

Сорок одна минута — столько заняло перемещение здания Моссовета: двадцать тысяч тонн на тринадцать с половиной метров, работа инженера Эммануила Менделевича Генделя. Жильцов при этом не выселяли.

Треть бомбового груза — доля, легшая на ложные цели за девять месяцев налётов. Службу маскировки Москвы возглавлял Борис Михайлович Иофан, автор проекта Дворца Советов.

Три месяца двадцать один день — интервал между постановлением от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» и закрытым докладом 25 февраля 1956 года.

Последняя цифра и есть ось сезона. Государство отказалось от языка, которым говорило о себе в камне, раньше, чем отказалось от собственного прошлого с трибуны.

Оговорою один раз и повторять не буду: я утверждаю совпадение направления и опережение по дате, а не причину. У ноябрьского постановления есть своя предыстория, жилищный дефицит был настоящий, и повестка экономии складывалась с конца сороковых.

КАК Я РАБОТАЮ С МАТЕРИАЛОМ

Легенды разбираю, а не пересказываю, даже когда они работают на меня. Звезда на шпиле Северного речного вокзала — не та, что сняли со Спасской башни: для вокзала изготовили собственную, похожую. Сдачи Москвы не было. Метро не работало неполные сутки.

Утраты называю прямо, без смягчения: Сухарева башня и Китайгородская стена — 1934 год, Страстной монастырь — 1937-й, храм Христа Спасителя — 1931-й. Восстановленное здание есть новое здание, и это надо называть своим именем.

Достигнутое называю так же твёрдо. Одна мера для обеих сторон — иначе это не разбор, а агитация.

Там, где не знаю, говорю, что не знаю. Здание Моссовета передвинуто то ли в 1939 году, то ли в 1940-м: источники расходятся, и я между ними до сих пор не выбрала.

Действующих лиц называю по именам.

Лазарь Моисеевич Каганович, Павел Павлович Роттерт, Алексей Николаевич Душкин, Алексей Михайлович Рухлядев, Лев Владимирович Руднев, Николай Васильевич Никитин, Дмитрий Николаевич Чечулин, Евгений Владимирович Рыбицкий — реконструкцию вела не безымянная машина, а люди, которых назначали, награждали и снимали.

ВОПРОС, С КОТОРОГО СЕЗОН НАЧИНАЕТСЯ

Мне нравится этот город. Это не мешает мне считать, а считать — не мешает мне его любить.

За сорок лет Москва дважды предъявила себя как утверждение о том, чем является государство: сначала как проект, потом как vystоявшая столица. На третий раз государство от утверждения отказалось — и город остался стоять, договаривая за него.

Вопрос, по которому у вас наверняка есть мнение. Что для вас Москва, которую построили в эти сорок лет: чужое наследство, доставшееся по случаю, — или ваш собственный город, за который вы отвечаете?

Первый материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — одно заседание 15 июня 1931 года, на котором город получил сразу метро и Волгу, и почему две одинаковые по классу стройки вели совершенно по-разному.

День, когда Москва получила метро и Волгу сразу

№ в серии: 45 из 233 · № в сезоне: 2 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 09.10.2026 · ЖЖ: 20.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

15 июня 1931 года пленум ЦК ВКП(б) слушал доклад Лазаря Моисеевича Кагановича о московском городском хозяйстве.

К концу заседания были приняты два решения: строить в Москве метрополитен и вести волжскую воду к городу.

Оба контура будущей столицы — подземный и водный — заданы в один день, за четыре года до генерального плана. Стройки шли параллельно. Устроены они были противоположно.

ПОЧЕМУ СНАЧАЛА НЕВИДИМОЕ

Обычно реконструкцию тридцатых начинают с фасадов. Между тем первое, что решили строить, не видно с поверхности вообще.

Причина простая и цифровая. К 1931 году в Москве жило около двух миллионов восьмисот тысяч человек против миллиона восьмисот пятидесяти тысяч в 1917-м.

Рублёвский водопровод дошёл до предела мощности. Москва-река обмелела так, что напротив Кремля её переходили вброд. Наземный транспорт не выводил утренний поток.

Город упирался не в архитектуру. Он упирался в воду и в перемещение людей.

Поэтому первыми решениями стали те, которые никто не увидит: то, что течёт, и то, что идёт под землёй.

Дальше две стройки разошлись — и разошлись так, что сравнение их устройства говорит о государстве больше, чем любая из них по отдельности.

МЕТРО: ПУБЛИЧНАЯ СТРОЙКА

13 сентября 1931 года постановлением Совнаркома СССР создано Управление строительства — Метрострой. Первым начальником назначен Павел Павлович Роттерт, инженер, до того строивший ДнепрогЭС. Работы развернулись с 1932 года.

Стройка была демонстративно публичной. Комсомольский набор, шахтёры из Донбасса, приглашённые иностранные специалисты, партийное кураторство высшего уровня, постоянные репортажи.

15 октября 1934 года по участку от «Комсомольской» до «Сокольников» прошёл первый поезд из двух вагонов.

15 мая 1935 года открылось регулярное движение по первой очереди: линия «Сокольники» — «Парк культуры» с ответвлением на «Смоленскую». Одиннадцать и две десятых километра. Тринадцать станций. Семнадцать вестибюлей. Двенадцать четырёхвагонных составов.

От решения пленума до пуска — три года одиннадцать месяцев.

Станции строили как парадные залы, а не как технические помещения, — принципиальное расхождение с западной практикой, где подземка оставалась инженерным сооружением.

Первая очередь дала «Кропоткинскую», «Красные ворота», «Комсомольскую».

Вторая очередь, открытая 11 сентября 1938 года участком «Площадь Свердлова» — «Сокол», дала «Маяковскую» Алексея Николаевича Душкина — первую в мире колонную трёхсводчатую станцию глубокого заложения.

В 1939 году её проект получил Гран-при Всемирной выставки в Нью-Йорке; секцию станции показывали в советском павильоне в натуральную величину.

Смысл этой роскоши не в мраморе. Он в адресате: мрамор, бронзу и мозаику поместили туда, где ежедневно проходит рабочий, а не туда, где раз в год проезжает двор.

Вторая стройка шла в те же годы и не показывалась никому.

КАНАЛ: ЗАКРЫТАЯ СТРОЙКА

1 июня 1932 года строительство канала передали из Наркомвода в ведение ОГПУ. 14 сентября 1932 года приказом ОГПУ № 889с создан Дмитровский исправительно-трудовой лагерь. Он просуществовал до 31 января 1938 года.

Заклѹченных на строительстве было до двухсот тысяч единовременно; в 1935–1936 годах — около ста девяноста двух тысяч. По учётным данным лагеря, за период с 14 сентября 1932 года по 31 января 1938 года умерли двадцать две тысячи восемьсот сорок два человека.

Эту цифру я привожу как установленную и не заменяю её расчѹтными оценками, кратно её превышающими.

Величина «сто тысяч погибших», которая ходит по популярным текстам, относится к другой стройке — беломорской — и перенесена на канал по аналогии, без документального основания. Так делать нельзя ни в одну, ни в другую сторону.

15 июля 1937 года канал Волга — Москва длиной сто двадцать восемь километров был открыт. Четыре года восемь месяцев работы.

Три недели спустя, 8 августа 1937 года, начались аресты и расстрелы по делу руководства Дмитлага. В числе обвинѹнных — группа из двухсот восемнадцати человек во главе с начальником лагеря Семѹном Григорьевичем Фириним.

Между приёмкой сооружения и уничтожением построившей его администрации — двадцать четыре дня. Я не буду это объяснять. Интервал говорит сам.

ЧТО КАНАЛ СДЕЛАЛ С ГОРОДОМ

Задача была решена, и решена окончательно: Москва получила устойчивое водоснабжение, которым пользуется по сей день.

Река поднялась и стала судоходной для крупных судов — пришлось менять мосты на новые, с подмостовым габаритом под волжский флот.

Крымский и Большой Каменный открыли в 1938 году. Набережные, одетые в гранит, из хозяйственной задворки превратились в парадные транспортные артерии.

И появилась новая городская география: Химкинское водохранилище стало северными воротами города, которых у Москвы прежде не было и быть не могло.

В этих воротах в 1937 году поставили здание в виде двухпалубного корабля — работа Алексея Михайловича Рухлядева и Владимира Фёдоровича Кринского.

За комплекс сооружений «Москва — Волга» Рухлядев в том же году получил орден Ленина, а проект был отмечен дипломом Большой премии на Международной выставке в Париже.

В том же Париже, на той же выставке, стоял советский павильон Бориса Михайловича Иофана со скульптурой Веры Игнатьевны Мухиной.

ХОД МЫСЛИ

Вот к чему всё это сводится.

Реконструкция Москвы начиналась не с красоты и не с идеологии. Она начиналась с двух инженерных задач выживания, решённых в один день на одном заседании. И только на этот фундамент легло всё остальное — ансамбли, вертикали, парадные станции.

Порядок именно такой, и он проверяем по датам: сначала вода и движение, потом облик.

Но одно обстоятельство я объяснить не могу, и притворяться не буду.

Две задачи одного класса, принятые одним решением в один день, велись принципиально разными способами: одна — как публичная городская стройка с иностранными консультантами и репортажами, другая — закрытым лагерным управлением.

Ни в решении пленума, ни в последующих документах я не нашла ответа на вопрос, почему выбор был именно такой.

Может быть, дело в том, что канал шёл вне города, а метро — внутри. Может быть, в сроках. Может быть, в ведомственной борьбе. Это гипотезы, а не вывод.

Город, который через десять лет спустится под землю, чтобы уцелеть, и который пьёт волжскую воду до сих пор, получил оба своих условия существования за несколько часов одного июньского заседания.

И вот что мне непонятно до сих пор: если бы обе стройки вели одинаково — открыто, с набором и репортажами, — успели бы к сроку? И что для государства в 1932 году значило это «успеть»?

Второй материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — как в 1939 году дом массой двадцать три тысячи тонн переехал за одну ночь вместе с жильцами — и почему это была не техническая забава, а единственный оставшийся выход.

Дом, который передвинули вместе с жильцами

№ в серии: 46 из 233 · № в сезоне: 3 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 11.10.2026 · ЖЖ: 22.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

В 1939 году дом Саввинского подворья в Москве уехал вглубь квартала за одну ночь. Двадцать три тысячи тонн — крупнейшая передвигка в мировой практике на тот момент.

Жильцов не выселяли. Обычно это рассказывают как курьёз тридцатых. На самом деле это был единственный выход, который у города оставался.

ИНЖЕНЕР, ВЫПРЯМЛЯВШИЙ МИНАРЕТЫ

Человека, с которым связана эта практика, звали Эммануил Менделевич Гендель. Он занимался передвижкой и выпрямлением сооружений, а позже стал технологом реставрационных работ: выпрямлял минареты в Самарканде и колокольни в Ярославле и Больших Вязёмах.

Технология была такая. Здание отделяли от фундамента по горизонтальному шву. Охватывали стальной рамой, принимающей на себя нагрузку стен. Вывешивали на катках, катки ставили на рельсовые пути. Дальше — домкраты или лебёдки.

Ограничением служили не масса и не расстояние. Ограничением была связность конструкции: дом с несущими стенами простой формы шёл надёжно, а здание сложной конфигурации или с большими беспролётными помещениями требовало отдельного расчёта.

Три работы на улице Горького показывают, до чего дошли за несколько лет.

ДВАДЦАТЬ ТРИ ТЫСЯЧИ ТОНН ЗА НОЧЬ

Саввинское подворье — доходное здание церковного подворья, построенное в 1907 году по проекту Ивана Сергеевича Кузнецова.

1939 год. Двадцать три тысячи тонн, перемещение вглубь квартала, одна ночь, без отселения жильцов.

Здание Моссовета — бывший дом московского генерал-губернатора, построенный Матвеем Фёдоровичем Казаковым в 1782 году, — было задачей потруднее: неправильная форма плана, а на первом этаже бальный зал, то есть пространство без несущих конструкций внутри.

Здание двигали вместе с подвалом, для чего вокруг него вырыли котлован глубиной четыре метра. Двадцать тысяч тонн. Тринадцать с половиной метров. Сорок одна минута.

Год этой работы я назвать точно не могу: часть источников даёт 1939-й, часть 1940-й, и первичного подтверждения ни у той, ни у другой датировки я пока не нашла.

Глазную больницу перевезли с улицы Горького в Мамоновский переулок — с разворотом и надвижкой на заранее построенный первый этаж. Три разнородные операции в одной.

Теперь про историю, которую рассказывают чаще всего, — и которую я привести не могу.

ЧТО ЗДЕСЬ ПРЕДАНИЕ, А ЧТО ДОКУМЕНТ

Устойчивый сюжет звучит так: жильцы легли спать по одному адресу, проснулись по другому и ничего не заметили, потому что их не предупредили.

Документального подтверждения у этого нет. В источниках он встречается в нескольких взаимоисключающих вариантах, и это верный признак предания, а не факта.

Но установленное здесь сильнее придуманного. Людей действительно не выселяли на время работ. Дом с жильцами внутри рассматривался как перемещаемый объект — и это соответствовало реальному уровню инженерной уверенности, а не безрассудству.

Разница между двумя формулировками принципиальная. «Не предупредили» — это анекдот. «Не выселяли» — это инженерная

характеристика.

А теперь главное: зачем вообще двигали дома.

ЛИНИЯ, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ ВСЁ ЭТО ДЕЛАЛОСЬ

Генеральный план 1935 года, который я разбираю отдельным материалом, исполнялся не текстом, а красной линией на планшете. Красная линия отделяет территорию улицы от территории застройки. Всё, что оказалось снаружи, подлежит устранению.

Тверская, с 1932 года улица Горького, в районе Камергерского переулка имела ширину семнадцать с половиной метров — величина, нормальная для торговой улицы полумиллионного города и невозможная для столицы четырёхмиллионного государства. Проезжую часть расширили почти на сорок метров.

Дальше арифметика простая. Линию перенесли. Здание оказалось за ней. Если здание решено сохранить — остаётся один выход: переместить его.

Передвижка стоила дороже сноса. Ее делали именно ради сохранения, и это единственная причина, по которой она вообще возникла как практика.

Кстати, о людях, принимавших решения: реконструкцию вела не безымянная машина.

Начальный участок улицы Горького проектировали Алексей Викторович Щусев, И. Л. Маркузе и А. Я. Изаксон — предлагали застроить его двумя протяжёнными корпусами в едином стиле.

В 1937 году, после обстоятельств, связанных со строительством гостиницы «Москва», Щусева от работы отстранили, и проект передали другому руководителю.

ЧТО ЭТО ГОВОРИТ О ГОРОДЕ

Вот к чему я веду.

Передвижка домов — не техническая экзотика и не милая деталь эпохи. Это точный показатель того, чем стал город.

С одной стороны — инженерное достижение мирового уровня в стране, у которой десятью годами раньше не было ни станков, ни расчётной школы для таких работ. Двадцать три тысячи тонн за ночь — это не пропаганда, это выполненная работа.

С другой — предельно радикальное отношение к городской среде. Дом перестал быть неподвижной точкой пространства. Он стал объектом, положение которого определяется решением.

То, что для жилья есть место жизни, для чертежа есть переменная.

Обе стороны надо держать одновременно и не выбирать между ними: выбор здесь и есть подмена анализа оценкой.

Эммануил Гендель потом всю жизнь занимался обратной задачей — выпрямлял и спасал то, что накренилось от времени. Человек, научившийся двигать дома по требованию новой линии, дальше работал на то, чтобы старое стояло ровно.

Ответа у меня нет. Передвижка была компромиссом: сохранить здание ценой того, что оно перестанет стоять на своём месте. Здание, перенесённое на пятьдесят метров, — это по-прежнему тот самый памятник или уже другой объект?

Третий материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — здание в форме двухпалубного корабля, поставленное на берегу водохранилища, которого пятью годами раньше не существовало, — и разбор легенды о звезде со Спасской башни.

Корабль, который никуда не поплывёт

№ в серии: 47 из 233 · № в сезоне: 4 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 13.10.2026 · ЖЖ: 24.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

В 1937 году на берегу Химкинского водохранилища поставили здание в виде двухпалубного судна.

Фасад полтораэта метров, ярусные аркады, башня с курантами, шпиль в двадцать семь метров. Авторы — Алексей Михайлович Рухлядев и Владимир Фёдорович Кринский.

Водохранилища за пять лет до этого не существовало. Судна тоже: оно никуда не поплывёт и не задумывалось плывущим.

ЗАЧЕМ ГОРОДУ ПОНАДОБИЛИСЬ ВОРОТА

Сначала о том, из чего это здание выросло, — иначе оно выглядит прихотью, а прихотью оно не было.

15 июня 1931 года пленум ЦК ВКП(б) по докладу Лазаря Моисеевича Кагановича принял решение вести волжскую воду к Москве.

Задача была тройная: питьевая вода, потому что Рублёвский водопровод исчерпал мощность; обводнение, потому что Москва-река обмелела до брода напротив Кремля; и выход столицы в систему внутренних водных путей страны.

С 1 июня 1932 года стройку вело ОГПУ силами Дмитровского исправительно-трудового лагеря — устройство и цену этого я разбираю отдельным материалом.

Заключённых на строительстве было до двухсот тысяч одновременно; в 1935–1936 годах — около ста девяноста двух тысяч.

15 июля 1937 года канал длиной сто двадцать восемь километров был открыт. От решения пленума до открытия — шесть лет и один месяц.

Три недели спустя, 8 августа 1937 года, начались аресты и расстрелы по делу руководства лагеря — группа из двухсот восемнадцати человек во главе с начальником Семёном Григорьевичем Фириным.

Сооружение приняли в июле, администрацию уничтожили в августе. Двадцать четыре дня между двумя событиями.

У города появилась новая география. Химкинское водохранилище стало северными воротами Москвы — воротами, которых у неё прежде не было и быть не могло.

В воротах надо было что-то поставить.

ЧТО ИМЕННО ПОСТРОИЛИ

Комплекс канала — это не только вокзал: сто двадцать восемь километров трассы, шлюзы, насосные станции, водохранилища. Вокзал был его лицом.

Здание решено как двухпалубный корабль. Протяжённый фасад около полутора метров. Ярусные аркады. Парадные лестницы, обращённые к воде.

Башня с курантами — с циферблатом на каждую сторону света, разработанным проектной бригадой специально для вокзала. Шпиль высотой двадцать семь метров со звездой, серпом и молотом.

На фасаде — двадцать четыре керамических медальона по полтора метра каждый, с изображениями страны, какой она должна была стать.

В 1937 году за комплекс сооружений «Москва — Волга» Рухлядев был награждён орденом Ленина. В том же году проект представили на Международной выставке искусств и техники в Париже и отметили дипломом Большой премии.

Здесь стоит остановиться на совпадении, которое обычно проходит мимо внимания.

На той же парижской выставке 1937 года стоял советский павильон Бориса Михайловича Иофана со скульптурной группой Веры Игнатьевны Мухиной.

Москва предъявила себя миру дважды в один год: вертикалью на чужой земле — и портом на своей.

А теперь то, что об этом здании рассказывают чаще всего.

ЗВЕЗДА, КОТОРОЙ ЗДЕСЬ НЕТ

Устойчивая версия: звезда на шпиле речного вокзала — та самая, что сняли со Спасской башни Кремля, когда кремлёвские звёзды меняли на рубиновые.

Совпадение по времени действительно есть: замену производили в 1937 году, тогда же достраивали вокзал. Версия красивая, и она разошлась по путеводителям.

Документально она не подтверждается. Для вокзала изготовили собственную звезду — похожую, но свою.

Рядом стоит ещё одна ошибка, помельче, но показательная. В нескольких публикациях, включая городские, говорится, что проект получил Ленинскую премию 1937 года.

Ленинская премия в 1937 году не существовала: она была учреждена позже. Подтверждаются орден Ленина и парижский диплом.

Есть и то, чего я не смогла установить. Про подъёмный механизм шпиля пишут регулярно, а первичного подтверждения я не нашла.

Автора керамического убранства обычно называют — Наталья Яковлевна Данько, — но фамилия в источниках встречается искажённой, и это ровно тот случай, когда лучше сказать «вероятно», чем поставить точку.

ЧТО ЗДАНИЕ ГОВОРIT О ГОСУДАРСТВЕ

Теперь к тому, ради чего я это пишу.

Инженерная задача была решена: город получил воду, которой пользуется до сих пор, судоходную реку, гранитные набережные и мосты с подмостовым габаритом под волжский флот. Это чистая техника, и она отработана безупречно.

Но форма, в которую облекли решение, отвечала не на инженерный вопрос.

Сухопутный город, стоящий на малой реке за тысячу километров от ближайшего моря, построил себе морские ворота и объявил себя портом.

Здание в виде корабля, который никуда не поплывёт, поставили на берегу водохранилища, вырытого пятью годами раньше.

Это высказывание, а не сооружение. Причём высказывание, сделанное до того, как появилась формула, которой его потом описывали: «порт пяти морей» — выражение более позднее, имя достигнутого, а не проектное задание. Сначала построили, потом назвали.

Тем же способом работал весь замысел тридцатых. Метро строили как парадные залы, хотя достаточно было тоннелей. Мосты делали высокими, хотя судов ещё не было. Вокзалу придали форму корабля, хотя достаточно было причала и зала ожидания.

Государство отвечало городом на вопрос, чем оно себя считает. Ответ дороже слов: он требует бетона, стали и труда — и потому честнее.

Рухлядев получил орден в тот же год, когда расстреляли администрацию стройки, давшей его зданию смысл. Оба факта относятся к 1937 году и оба документированы.

Спрошу прямо. Что делает вокзал памятником — техника канала, которая работает девятый десяток лет, или форма корабля, которая не работала никогда и не должна была?

Четвёртый материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — почему Сухареву башню снесли не за религию, а за геометрию, — и что на самом деле решало судьбу зданий в тридцатые.

Линия на планшете, которая сильнее иконы

№ в серии: 48 из 233 · № в сезоне: 5 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 15.10.2026 · ЖЖ: 26.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

В 1934 году в Москве снесли Сухареву башню — здание петровского времени, где помещалась навигацкая школа. В том же году разобрали Китайгородскую стену XVI века.

В 1937-м — Страстной монастырь. Ни одно из этих сооружений не было снесено по той причине, которую называют чаще всего. Они мешали не идеологии. Они мешали линии.

ИНСТРУМЕНТ, О КОТОРОМ НЕ ДУМАЮТ

Генеральный план 1935 года был документом. Исполнялся он не документом.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР № 1435 от 10 июля 1935 года «О генеральном плане реконструкции города Москвы» — разработчики Владимир Николаевич Семёнов и Сергей Егорович Чернышёв — задавало параметры: территория растёт с двадцати восьми с половиной до шестидесяти тысяч гектаров, население ограничивается пятью миллионами, срок работ 1936–1945 годы.

А производила перемену в теле города одна вещь — красная линия. Это граница, отделяющая территорию улицы от территории застройки. Простейший и сильнейший инструмент градостроительного управления: всё, что оказалось по её внешнюю сторону, подлежит устранению.

Не отдельные решения о сносе. Перенос линии.

Тверская — с 1932 года улица Горького — имела в районе Камергерского переулка ширину семнадцать с половиной метров.

Величина нормальная для торговой улицы полумиллионного города и невозможная для столицы четырёхмиллионного государства. Проезжую часть расширили почти на сорок метров.

Дальше арифметика работала сама.

КТО ИМЕННО ПРИНИМАЛ РЕШЕНИЯ

Реконструкцию вела не безымянная машина, и это важно, потому что обезличенное изложение всегда искажает.

Начальный участок улицы Горького проектировали Алексей Викторович Щусев, И. Л. Маркузе и А. Я. Изаксон — двое последних известны в источниках по инициалам, и я не буду достраивать их имена по догадке.

Предлагали застроить участок двумя протяжёнными корпусами в едином стиле.

В 1937 году, после обстоятельств, связанных со строительством гостиницы «Москва», Щусева от работы отстранили.

Кому именно передали проект — вопрос, который я оставляю открытым: в доступных мне источниках названы разные фамилии, и первичного подтверждения ни у одной я не нашла.

Того же Щусева, к слову, четырьмя годами раньше приглашали в закрытый этап конкурса на Дворец Советов — вместе с Борисом Михайловичем Иофаном, Иваном Владиславовичем Жолтовским и братьями Весниными.

Люди были одни и те же. Решения — разные.

ЧТО СНЕСЛИ, И ЭТО НАДО НАЗВАТЬ ПОЛНОСТЬЮ

Перечень привожу без смягчения, потому что смягчение здесь равно подлогу.

Сухарева башня, 1934 год. Памятник петровской гражданской архитектуры, где помещались навигацкая школа и контора Адмиралтейской коллегии. Возражения архитекторов были отклонены на высшем уровне.

Китайгородская стена, 1934 год. Оборонительная линия XVI века, определявшая планировку центра. Сохранившиеся фрагменты стоят на площади Революции и в Китайгородском проезде.

Страстной монастырь, 1937 год, при реконструкции улицы Горького. На его месте разбит сквер, куда потом перенесли памятник Александру Сергеевичу Пушкину.

К этому ряду примыкают палаты Василия Голицына, церковь Параскевы Пятницы и десятки объектов меньшего значения. Отдельно, по другому поводу и в рамках другой задачи, — храм Христа Спасителя, разрушенный в 1931 году под площадку Дворца Советов.

Восстановление здания есть новое здание. Утраченное утрачено, и это надо называть своим именем.

Про Китайгородскую стену часто пишут, что её кирпич целиком ушёл на строительство метро.

Материал действительно частично использовали при работах по Сокольнической линии, но «целиком» — это интерпретация исследователей, а не документ, и я не выдаю её за установленное.

КРИТЕРИЙ, КОТОРЫЙ ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ ИЗ РЕЗУЛЬТАТА

А теперь то, ради чего этот текст написан.

Сухарева башня не была религиозным сооружением. Китайгородская стена не имела отношения ни к вере, ни к сословному строю. Обе снесены в один год.

Идеологический мотив, который обычно объясняет всё, здесь объясняет мало. Восстановите критерий из результата — и он окажется двусоставным и вполне холодным.

Устранялось то, что мешало новой геометрии: башня посреди расширяемой площади, стена поперёк проектируемой магистрали, монастырь на линии улицы.

Сохранялось то, что геометрии не мешало.

Критерий был не идеологический, а геометрический. И это, если вдуматься, тяжелее привычного объяснения: снос по убеждению хотя бы предполагает убеждение. Снос по линейке не предполагает ничего.

Здесь же — вторая половина картины, без которой первая становится агитацией.

Одновременно со сносом шла работа противоположного знака. Часть застройки сохранили сознательным решением.

Часть передвинули — а передвижка дорожке сноса и делалась именно ради сохранения: в 1939 году дом Саввинского подворья массой двадцать три тысячи тонн уехал вглубь квартала за одну ночь, работа Эммануила Менделевича Генделя.

И главное: постановление 1935 года прямо отвергло предложение снести сложившийся центр и строить на чистом месте. Такое предложение существовало и имело сторонников.

Формула документа — исходить из сохранения основ исторически сложившегося города при коренной его перепланировке.

Государство имело возможность снести всё и ею не воспользовалось.

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИЗОШЛО

Ни уничтожение прошлого, ни бережное обновление. Нечто третье, для чего в обыденном языке нет удобного слова.

У власти впервые появилось полномочие и техническая возможность решать, какая часть прошлого физически присутствует в будущем городе. Полномочие было применено — местами с расчётом, местами с невосполнимой потерей, но применено сознательно и системно.

Москва тридцатых подчинилась чертежу буквально: не идее, не стилю и не доктрине, а проведённой на планшете линии, которая обладала силой закона.

У меня здесь только документ. Мнение — у вас. Если бы Сухареву башню сохранили, расширив площадь в обход, — мы бы сегодня считали это мудростью или упрямством, стойшим городу транспортного узла?

Пятый материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — летом 1941 года маскировкой Москвы поручили руководить автору

проекта Дворца Советов — человеку, который восемь лет проектировал её главную видимую точку.

Автор Дворца Советов получил приказ спрятать Москву

№ в серии: 49 из 233 · № в сезоне: 6 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 17.10.2026 · ЖЖ: 28.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

10 мая 1933 года Борис Михайлович Иофан выиграл конкурс на Дворец Советов.

Четыреста пятнадцать метров, стометровая статуя Ленина наверху, самое высокое здание в мире.

9 июля 1941 года постановлением Государственного Комитета Обороны № 73с при Московском совете создали службу маскировки. Возглавил её Иофан. Восемь лет и два месяца между двумя назначениями.

ЧТО ОН СТРОИЛ ДО ЭТОГО

Сначала о том, от чего его оторвали.

Конкурс на Дворец Советов был беспрецедентным: на открытый этап поступили двести семьдесят две работы.

В закрытом этапе, шедшем с августа 1932 по февраль 1933 года, участвовали Иофан, Владимир Алексеевич Щуко, Владимир Георгиевич Гельфрейх, Иван Владиславович Жолтовский, Алексей Викторович Щусев, братья Веснины, Алексей Николаевич Душкин.

10 мая 1933 года подвели итоги. Победил Иофан, соавторами окончательного проекта стали Щуко и Гельфрейх, скульптурную часть вёл Сергей Дмитриевич Меркуров.

В 1937 году Иофан построил советский павильон на парижской выставке — тот, что увенчала скульптурная группа Веры Игнатьевны Мухиной.

Строительство Дворца Советов началось в том же 1937 году. К 1939-му были готовы фундамент высотной части, главный вход и сторона, обращённая к Волхонке. Срок ввода по плану — 1942 год.

Человек, отвечавший за самую видимую точку страны, летом 1941 года получил задачу прямо противоположную.

ДВЕ НЕДЕЛИ НА РЕШЕНИЕ

26 июня 1941 года комендант Кремля генерал-майор Николай Кириллович Спиридонов направил предложения по маскировке Кремля, Красной площади и Мавзолея.

Вариантов было два. Первый — перекрасить кремлёвские здания под рядовую городскую застройку, снять кресты, зачернить купола. Второй — построить вокруг Кремля ложные кварталы и ложные мосты через реку.

Работы фактически начали 28 июня — через двое суток после записки. План официально утвердили 14 июля. Основные работы закончили к 1 августа.

План официально утвердили 14 июля — через две с половиной недели после того, как работы начались. Бумага догоняла стройку, а не наоборот.

9 июля постановлением ГКО № 73с службу маскировки при Моссовете возглавил Иофан; к этому дню работы шли уже одиннадцатые сутки.

В тот же день другим постановлением, № 77сс, определили силы противовоздушной обороны Москвы: шестьсот два истребителя, семьсот девяносто шесть зенитных орудий среднего калибра, двести сорок восемь орудий калибра тридцать семь миллиметров, свыше трёхсот тридцати зенитных пулемётов, девятьсот восемнадцать прожекторов, сто двадцать четыре аэростата заграждения, шесть радиолокационных станций.

Художественную часть маскировки вёл главный художник Большого театра Фёдор Фёдорович Федоровский — человек, всю жизнь оформлявший сцену, теперь оформлял город так, чтобы его не узнали сверху.

Задача была ровно театральной по существу: не спрятать объект, а заставить наблюдателя увидеть на его месте другой. Разница между маскировочной сетью и написанным на площади кварталом — это разница между укрытием и декорацией, и Москву спасала вторая.

СРАБОТАЛО ЛИ ЭТО

Первый массированный налёт — в ночь с 21 на 22 июля 1941 года. Оперативная сводка штаба шестого истребительного авиакорпуса, составленная в семь утра 22 июля, даёт до полутора ста самолётов.

23 июля в 02:15 на Кремль сбросили семьдесят шесть зажигательных бомб килограммового калибра: четырнадцать на Соборную площадь, пятнадцать в Большой сквер, остальные на чердаки корпусов.

Значит, находили.

До 15 августа 1941 года было отражено восемнадцать крупных ночных налётов. К городу прорывалось около четырёх процентов бомбардировщиков.

Теперь то, что обычно из этой истории делают. Пишут, что маскировка сделала Кремль невидимым.

Это неправда, и опровергается она документом противника: сохранилась немецкая аэрофотосъёмка от 1 сентября 1941 года, где подписи разделяют настоящие объекты и фанерные. Часть обмана была раскрыта.

Но есть цифра, которая измеряет результат честно.

За девять месяцев, с июля 1941 по апрель 1942 года, к Москве прорвались двести тридцать четыре бомбардировщика. Они сбросили тысячу шестьсот десять фугасных и около десяти тысяч зажигательных бомб. Примерно треть груза легла на ложные цели.

Треть. Не всё и не ничего.

Пострадали девятнадцать небольших предприятий и около двухсот зданий — в городе с населением свыше четырёх миллионов.

Чего я не могу установить точно: в какой пропорции реализовали два варианта Спиридонова. Перекраска шла, ложные кварталы строились, но соотношение вклада каждого приёма в ту самую треть по доступным мне документам не восстанавливается.

ЧТО СТАЛО С ЕГО ЗДАНИЕМ

Пока Иофан прятал город, с его главной постройкой происходило вот что.

В 1941–1942 годах стальные конструкции Дворца Советов демонтировали. Сваи фундамента из высокопрочной стали пошли на противотанковые ежи. Каркас — на строительство железнодорожных мостов.

Здесь и находится точка, ради которой я весь этот текст пишу.

Замысел не был отменён решением. Его не осудили и не заменили другим. Он был разобран на оборону.

Металл, предназначенный держать статую вождя над столицей, употребили на то, чтобы остановить танки на подступах к ней и связать разорванные железные дороги.

Ни одно постановление о прекращении строительства не выразило бы существо момента точнее, чем эта переплавка.

И одновременно человек, десять лет проектировавший то, что должно было быть видно отовсюду, работал над тем, чтобы город не был виден ниоткуда.

Одна биография, две задачи, восемь лет между ними и ровно противоположный знак.

После войны Иофан вернётся к вертикали: он будет вести проект главного здания университета на Ленинских горах — и в 1948 году его odstrанят и оттуда, из-за спора о том, ставить ли здание на самой бровке. Но это отдельная история.

И последнее. У меня есть цифра. Мнения у меня нет.

Треть бомбового груза, ушедшая в ложные цели, — это успех маскировки или всё-таки её предел?

Шестой материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — пункт постановления ГКО от 15 октября 1941 года, который разрешил Сталину уехать из Москвы, — и что он с этим разрешением сделал.

Постановление, которое разрешало вождю уехать

№ в серии: 50 из 233 · № в сезоне: 7 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 19.10.2026 · ЖЖ: 30.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва, Несокрушимая и легендарная

15 октября 1941 года Государственный Комитет Оборона принял постановление № 801сс «Об эвакуации столицы СССР».

Правительство, Генеральный штаб и дипломатический корпус выезжали в Куйбышев.

О председателе ГКО в документе сказано: эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке.

Вождю дали право уехать. Он им не воспользовался — и это единственное, что здесь надо объяснять.

КТО УЕЗЖАЛ ЗАКОННО

Постановление № 801сс — не разрешение бежать. Это акт об организованной эвакуации, и по нему из Москвы выезжали десятки тысяч человек: наркоматы, Генштаб, посольства, заводские управления. Уехать по этому документу было не позором, а исполнением приказа.

Право уехать имел и вождь. Формулировка о нём — единственная в постановлении, оставляющая решение за самим человеком, а не за актом.

Через четверо суток, 19 октября, ГКО принял постановление № 813: осадное положение с 20 октября, охрана порядка на коменданте города генерал-майоре Кузьме Романовиче Синилове и войсках НКВД.

Четверо суток между разрешением уехать и введением осадного положения. В них уместилось всё, что потом назовут московской паникой.

СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ

Цифры происходят из справок прокуратуры и органов. Это отчёт системы о собственной проверке, а не портрет города — и в этом их сила, а не

слабость.

Из четырѐхсот тридцати восьми учреждений самовольно оставили посты семьсот семьдесят девять руководящих работников.

Вывезено один миллион четыреста восемьдесят четыре тысячи рублей наличными и имущества на один миллион пятьдесят одну тысячу.

Тысяча пятьсот пятьдесят один случай уничтожения партийных билетов.

Свыше двадцати тысяч задержанных за дезертирство и нарушение режима.

Все эти люди имели возможность уехать законно — по спискам, по разнарядке, с эвакуируемым учреждением. Они уехали не так. Они бросили пост, забрали кассу и сожгли билет.

Право уехать было у вождя. Право уехать по разнарядке было и у них. Разошлись они не в страхе — о страхе документы молчат, — а в том, что сделали со своим правом.

ЧТО ДЕЛАЛ ГОРОД В ТЕ ЖЕ СУТКИ

Одновременно с этим и на той же территории.

Около шестисот тысяч москвичей работали на строительстве оборонительных рубежей.

Двенадцать дивизий народного ополчения, сформированных по постановлению ГКО № 10 от 4 июля 1941 года за подписью Вячеслава Михайловича Молотова, уже воевали.

Около ста шестидесяти пяти тысяч добровольцев, вооружённых к августу на сорок-пятьдесят процентов.

Пять дивизий из двенадцати были расформированы из-за потерь именно в октябре.

Метро не открылось утром 16 октября — единственный раз в истории. В 18:45 того же дня пошёл первый поезд.

Отсюда единственная точная формулировка: паниковал не город. Отказала часть управляющего слоя.

«Москва дрогнула» — это подмена. Поведение семисот семидесяти девяти человек выдаётся за состояние четырёхмиллионного города, который в те же сутки рыл рвы под Наро-Фоминском.

ЛЕГЕНДА, КОТОРАЯ ЗДЕСЬ НЕ НУЖНА

Про эти дни рассказывают, что Иосиф Виссарионович Сталин три часа ходил по перрону Казанского вокзала, решая, уезжать ли ему.

Подтверждения нет, и легенда эта слабее документа: перрон добавляет колебание, которого в бумагах не видно, и отнимает то, что видно, — оформленное право уехать и неиспользование этого права.

Документ сильнее сцены. Ходить по перрону мог кто угодно. Отказаться от пункта постановления мог только тот, для кого этот пункт написан.

ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ

6 ноября 1941 года на станции «Маяковская» — работа Алексея Николаевича Душкина, Гран-при Всемирной выставки в Нью-Йорке 1939 года — идёт торжественное заседание Московского совета. Правительство говорит из-под земли, потому что наверху бомбят.

Наутро оно выходит наверх.

7 ноября. Парад готовили под наименованием «Операция войск московского гарнизона». План утверждён 31 октября.

Командирам частей объявляют около одиннадцати вечера накануне — за десять часов до начала. Время сдвинуто с десяти утра на восемь.

Командует генерал-лейтенант Павел Артемьевич Артемьев, принимает маршал Семён Михайлович Будённый.

По площади идут двадцать восемь тысяч четыреста шестьдесят семь человек и сто шестьдесят танков. Воздушная часть отменена: снегопад.

От разрешения уехать до парада на Красной площади — двадцать три дня.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ

Вождь своей судьбы от судьбы города не отделил. Это не оценка характера и не догадка о его состоянии. Это описание поступка, зафиксированного двумя документами и одним парадом.

Ему был выдан выход — оформленный, законный, подписанный, тот самый, которым в эти дни пользовались все остальные. Он остался в городе, который готовили к уличным боям и который был заминирован по тысяче ста девятнадцати объектам.

И вот прямое следствие, ради которого этот текст написан.

Пока он оставался в Москве, Москва оставалась столицей.

Уход правительства превратил бы её в оставляемый город — не по военному положению, которое от этого не изменилось бы ни на километр, а по статусу.

Осадное положение 20 октября вводили уже в столице, а не в прифронтовом населённом пункте.

Разница между вождём и семьястами семьюдесятью девятью не нравственная категория, а функциональная. Слой, отвечавший за учреждения, поставил себя выше функции. Человек, отвечавший за государство, остался при функции — и тем удержал за городом его качество.

Мемуарная традиция, в том числе записи разговоров с Георгием Константиновичем Жуковым, добавляет к этому расчёт: уход из Москвы означал бы потерю власти навсегда. Расчёт этого не отменяет. Функция от мотива не зависит.

Одного я в документах не нашла и достраивать не буду: кто вписал в постановление № 801сс формулу «завтра или позднее, смотря по обстановке» и почему там не стоит прямое предписание, как для всех прочих.

Спрашиваю всерьёз. Если бы в пункте о нём стояло обычное «эвакуируется 16 октября» — исполнил бы он собственное постановление?

Седьмой материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — 16 октября 1941 года московское метро не открылось — единственный раз за всю его историю. И в тот же день, в 18:45, пошёл первый поезд.

Единственный день, когда метро не открылось

№ в серии: 51 из 233 · № в сезоне: 8 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 21.10.2026 · ЖЖ: 02.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

16 октября 1941 года московское метро не открылось утром. Это единственный такой день за всю его историю — с 15 мая 1935 года по сегодняшний.

В городе это прочитали однозначно: Москву сдают. В 14:12 того же дня на Кировско-Фрунзенскую линию подали напряжение. В 18:05 отдали приказ о возобновлении движения. В 18:45 пошёл первый поезд.

ЧТО БЫЛО НОЧЬЮ

Накануне, 15 октября, Государственный Комитет Оборона принял постановление № 801сс об эвакуации столицы.

В ночь на 16-е по распоряжению Лазаря Моисеевича Кагановича на метрополитене начались работы: демонтаж оборудования и подготовка узла к уничтожению. Рубили кабели, на станциях начали снимать эскалаторы.

Здесь я обязана оговориться.

Сам документ о разрушении метро в открытом доступе мне найти не удалось: распоряжение известно по описаниям и по свидетельствам работников метрополитена, а не по опубликованному тексту с реквизитами.

Это тот случай, когда событие подтверждается, а его бумажная форма — нет, и я это говорю, а не заминаю.

Утром поезда не пошли.

Дальше начинается то, ради чего этот день стоит разбирать по часам, а не по эпитетам.

ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ЧАСА

14:12 — подано напряжение на Кировско-Фрунзенскую линию.

18:05 — приказ о возобновлении движения.

18:45 — первый поезд.

От остановки до восстановления прошло меньше суток. Метро не работало неполный день.

Это существенно, потому что вокруг 16 октября сложился набор утверждений, которые надо развести.

Немецкие танки на Красной площади — не было. Прорыв в центр — не было.

Мотоциклисты в Химках и танки в Одинцове, которые кочуют из текста в текст, — это слухи и непроверенные разведывательные сообщения тех дней; в документах они присутствуют именно как непроверенные, и повышать их до факта я не стану.

19 октября ГКО принял постановление № 813 о введении осадного положения с 20 октября.

Что было в эти дни, кроме остановленного метро: из четырёхсот тридцати восьми учреждений самовольно оставили посты семьсот семьдесят девять руководящих работников, вывезя один миллион четыреста восемьдесят четыре тысячи рублей наличными.

И в те же сутки около шестисот тысяч москвичей работали на строительстве оборонительных рубежей.

Паниковал не город. Отказала часть управляющего слоя.

Что было ещё: четверо суток тяжёлого расстройств управления в части учреждений, справки прокуратуры о семистах семидесяти девяти самовольно уехавших руководителях из четырёхсот тридцати восьми учреждений, и — 19 октября — постановление ГКО № 813 о введении осадного положения с 20 октября, с возложением охраны порядка на коменданта города генерал-майора Кузьму Романовича Синилова.

А теперь про то, чем метро было в эти месяцы на самом деле.

ПОДЗЕМНЫЙ ДВОРЕЦ КАК УБЕЖИЩЕ

С 22 июня 1941 года метрополитен перевели на мобилизационный режим. На станции «Красные ворота» оборудовали командный пункт Народного комиссариата путей сообщения.

В ночь с 21 на 22 июля, во время первого массированного налёта, метро впервые использовали как убежище.

На «Кировской» разместили ставку. Поезда проходили станцию без остановки, платформу отгородили щитами.

На станциях работали медицинские пункты. За годы налётов в московском метро родились двести семнадцать детей.

Это цифра, которую стоит поддержать в голове. Двести семнадцать раз человек начинал жизнь в сооружении, спроектированном как транспортная система и парадный зал, — под городом, по которому в это время работала бомбардировочная авиация.

И при этом строительство не останавливалось.

1 января 1943 года открылась «Автозаводская» — тогда «Завод имени Сталина», — проект того же Алексея Николаевича Душкина, чья «Маяковская» получила Гран-при Всемирной выставки в Нью-Йорке в 1939 году.

Всего за войну в Москве ввели семь станций: три на Замоскворецком радиусе в январе 1943 года и четыре на Покровском в январе 1944-го.

От пуска первой очереди 15 мая 1935 года до утра, когда поезда не пошли, прошло шесть лет и пять месяцев. Всё это время метрополитен носил имя Лазаря Моисеевича Кагановича — имя снимут в 1955 году, за несколько месяцев до постановления об устранении излишеств.

6 ноября 1941 года на «Маяковской» шло торжественное заседание Московского совета. От дня, когда метро не открылось, до заседания под землёй — три недели.

ПОЧЕМУ ЭТО РАБОТАЛО

Вот к чему я веду, и это главное в тексте.

Метрополитен, решение о котором принял пленум ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 года по докладу Кагановича, строился под три задачи: перевозить людей, быть парадным пространством и служить высказыванием государства о себе.

Ни в одном документе тридцатых годов, которые я смотрела, не назначена четвёртая — та, ради которой глубокое заложение оказалось решающим в 1941-м.

Станции строили глубокими по инженерным и геологическим причинам. То, что глубина спасёт город через шесть лет, не было целью. Это оказалось следствием.

И вот что из этого следует. Государство, вкладывавшееся в парадные залы под землёй, потому что хотело показать, чем оно себя считает, — построило заодно систему укрытий, которой не проектировало.

Замысел иногда работает не там, где задуман. Это не мудрость строителей и не удача. Это свойство больших вложений: они дают эффекты, которых никто не заказывал.

Стоит добавить и то, чего в этот день не произошло. Метрополитен не был затоплен, кабели восстановили, эскалаторы вернули на место. Подготовка к уничтожению осталась подготовкой.

Первый поезд 16 октября пошёл в 18:45 — на семь с половиной часов позже обычного. Столько длилась единственная остановка московского метро за девяносто с лишним лет.

Отсюда вопрос. Один несостоявшийся утренний пуск — это провал системы управления или свидетельство её прочности, раз к вечеру того же дня всё пошло обратно?

Восьмой материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — организация, созданная ради здания, которого никогда не будет, построила главное здание МГУ. Это не метафора, а название ведомства в постановлении.

Ведомство несостоявшегося дворца построило университет

№ в серии: 52 из 233 · № в сезоне: 9 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 23.10.2026 · ЖЖ: 04.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

13 января 1947 года Совет Министров СССР принял постановление № 53 «О строительстве в г. Москве многоэтажных зданий».

Строительство корпуса на Ленинских горах возлагалось на Управление строительства Дворца Советов при Совете Министров СССР.

Организация, созданная ради здания, которого не будет, построила Московский университет. Это не образ, а название ведомства в тексте документа.

ЧТО БЫЛО В ПОСТАНОВЛЕНИИ

Разберу акт по составу, потому что его обычно пересказывают неточно.

Постановление предписывало возвести одно тридцатидвухэтажное здание, два двадцатипятиэтажных и пять шестнадцатиэтажных. Всего восемь.

Тридцатидвухэтажное — на Ленинских горах, в центре излучины Москвы-реки. И вот деталь, которая меняет всю привычную картину: в постановлении оно предназначено под гостиницу и жилые помещения. Университета в документе января 1947 года нет.

Это стоит отметить отдельно.

Самое известное здание послевоенной Москвы, ставшее символом советской науки, возникло в постановлении как гостиница с жилыми помещениями — то есть как объект, у которого не было ни того назначения, ни того смысла, за которые его знают.

Закладку всех восьми зданий произвели 7 сентября 1947 года — в день восьмисотлетия Москвы.

Построено было семь: главное здание университета на Ленинских горах, здание Министерства иностранных дел на Смоленской-Сенной, гостиницы «Украина» и «Ленинградская», жилые дома на Котельнической набережной и на Кудринской площади, административное здание у Красных Ворот.

Последнее дало отдельный инженерный сюжет: при строительстве применили искусственное замораживание грунта, а сам корпус монтировали с расчётным наклоном — чтобы после оттаивания почвы он принял вертикальное положение. Он его принял.

Восьмое, в Зарядье, после смерти Сталина достраивать не стали; на его фундаменте позже поднялась гостиница «Россия» по проекту Дмитрия Николаевича Чечулина.

Когда именно и по чьему предложению тридцатидвухэтажную гостиницу переназначили под университет — вопрос, на который я точного ответа в документах не нашла. Оставляю его открытым.

КАК ЗДАНИЕ УЕХАЛО НА ВОСЕМЬСОТ МЕТРОВ

Проект нового здания вёл Борис Михайлович Иофан — тот самый, чей Дворец Советов остался фундаментом, и тот самый, кто летом 1941 года возглавлял службу маскировки Москвы по постановлению ГКО № 73с.

Иофан ставил здание на самой бровке Ленинских гор — над обрывом, с парадной лестницей к реке.

К 1948 году геологи убедили руководство, что участок оползнеопасен и сооружение такой массы сползёт к воде. Иофан переносить здание отказался и был отстранён.

Здесь надо оговорить меру достоверности. Сам факт отстранения и причина разногласий — расположение на бровке — присутствуют во всех доступных описаниях согласованно.

А вот подробности решающего разговора и то, за сколько дней до утверждения чертежей это случилось, в разных пересказах расходятся, и я не берусь выбирать между версиями.

Руководителем назначили Льва Владимировича Руднева. Он перенёс ось постройки на восемьсот метров вглубь плато, на более прочные грунты. На месте, выбранном Иофаном, устроили смотровую площадку — она там и сейчас.

ИНЖЕНЕРИЯ, КОТОРАЯ ПОТОМ ДАЛА ОСТАНКИНО

Несущую систему разработал инженер Николай Васильевич Никитин.

Коробчатый фундамент, «плавающий» в грунте, — конструкция, обеспечивающая равномерную осадку. Облегчённый стальной каркас: на него ушло сорок тысяч тонн стали.

Ступенчатый силуэт, пятидесятивосьмиметровый шпиль со звездой. Шпиль облицован жёлтым стеклом с алюминиевой подложкой; фасадные часы имеют диаметр девять метров.

Самым высоким зданием Европы главный корпус оставался до 1990 года.

Здание открыли 1 сентября 1953 года. От закладки 7 сентября 1947 года — пять лет одиннадцать месяцев двадцать пять дней.

Тот же Никитин через десять лет спроектирует Останкинскую телебашню — пятьсот сорок метров, высочайшее свободно стоящее сооружение в мире на момент постройки. Окончательный проект башни утвердят 22 марта 1963 года, строительство закончат 4 ноября 1967-го.

Одна инженерная школа, две высшие точки страны, между ними четырнадцать лет — и полная смена того, что этими точками говорится. Но это сюжет следующих материалов.

ЧТО ЗДЕСЬ НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИЗОШЛО

Теперь вывод, ради которого текст написан.

Замысел, начатый конкурсом 10 мая 1933 года и остановленный войной, не был отменён никаким решением. Его не осудили, не закрыли, не заменили другим проектом.

Он был передан — по частям и разным адресатам.

Металл каркаса ушёл в 1941–1942 годах на противотанковые ежи и железнодорожные мосты.

Ведомство, созданное ради этого здания, построило университет.

Инженерная школа, выросшая на задаче поднять четыреста пятнадцать метров, подняла сначала двести сорок с лишним на Ленинских горах, а потом пятьсот сорок в Останкине.

И даже человек — Иофан — перешёл с несостоявшейся вертикали на новую, чтобы снова с неё уйти.

Стоит договорить и про восьмую площадку. Зарядье осталось котлованом с готовым фундаментом на девять лет — ровно как Волхонка.

Два несостоявшихся здания, две ямы в центре города, и обе в шестидесятые заполнили тем, что было нужно текущему дню: одну гостиницей, другую водой.

Вот на что стоит смотреть, разбирая незавершённые проекты: не на то, что не построено, а на то, куда ушло накопленное. Оно редко исчезает. Оно почти всегда переадресуется.

От победы в конкурсе на Дворец Советов до открытия университета — двадцать лет три месяца и двадцать два дня.

Остаётся одно. Университет на Ленинских горах — это осуществлённый Дворец Советов, поменявший назначение и адрес, или всё-таки другое здание, к нему не имеющее отношения, кроме общего ведомства и общих инженеров?

Девятый материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — постановление 4 ноября 1955 года, седьмым пунктом которого у трёх архитекторов отняли Сталинскую премию за здания, не изменившиеся ни на камень.

Награду отобрали за дом, который не изменился

№ в серии: 53 из 233 · № в сезоне: 10 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 25.10.2026 · ЖЖ: 06.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

4 ноября 1955 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

Седьмым пунктом архитектора Евгения Владимировича Рыбицкого лишили звания лауреата Сталинской премии — за жилой дом на улице Чкалова, который к тому дню не изменился ни на камень.

25 февраля 1956 года на XX съезде прозвучал закрытый доклад. Между двумя документами — три месяца двадцать один день.

ДОМ, ЗА КОТОРЫЙ ДАЛИ И ОТНЯЛИ

Жилой дом работников МГБ на улице Чкалова — сегодня это Земляной Вал, Садовое кольцо — построен в 1946–1949 годах по проекту Рыбицкого.

За него архитектор получил Сталинскую премию третьей степени. Дом считался одним из самых богато отделанных жилых зданий послевоенной Москвы.

Претензия в постановлении сформулирована так: дорогостоящие материалы и сложные архитектурные украшения.

Важно, как устроен сам документ. Он не рассуждает о стиле — он перечисляет здания и фамилии проектировщиков поимённо, с адресами. Это не критическая статья, это список.

Тем же пунктом звания лауреата лишили Леонида Михайловича Полякова и Александра Борисовича Борецкого — за гостиницу «Ленинградская», одну из семи высоток.

Здесь формулировка тоньше: премия присуждалась за эскизный проект, а при дальнейшей разработке, как сказано в документе, допущены крупные излишества в объёмно-планировочных решениях и отделке.

Первая критика проекта Рыбицкого появилась около 1952 года — за три года до постановления.

Сам документ требовал простоты, строгости форм и экономичности решений, предписывал переход к типовому проектированию и прямо указывал на профессорско-преподавательский состав Московского архитектурного института как на источник не критического отношения к формам прошлого.

То есть речь шла не только о зданиях, но и о том, кто и чему учит проектировать.

Гостиница «Ленинградская» у Комсомольской площади — самая маленькая из семи высоток — была принята в 1954 году, за год до постановления.

Здания за это время не изменились. Изменилась инстанция, которая их оценивает.

ЧТО ЭТО БЫЛО И ЧЕМ НЕ БЫЛО

Сразу отведу лишнее, чтобы не подменять предмет.

Это не репрессия. Слова «гонения» я не употребляю, потому что в документе его нет и в жизни этих людей его тоже нет: и Рыбицкий, и Поляков продолжали работать. Речь о лишении звания, и только.

И это не внезапный поворот после смерти Сталина. Повестка экономики складывалась задолго до 1955 года.

Никита Сергеевич Хрущёв выступал за неё ещё в тридцатые, а вернувшись в декабре 1949 года на пост первого секретаря Московского комитета, пересмотрел план реконструкции центра, разработанный при Георгии Михайловиче Попове.

Задача массового жилья впервые была поставлена Георгием Максимилиановичем Маленковым в августе 1953-го. Эксперименты с крупнопанельным домостроением шли с начала тридцатых.

30 ноября 1954 года открылось Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов,

подготовленное строительным отделом ЦК.

7 декабря на нём выступил Хрущёв и обвинил архитектурную школу в расточительстве: излишества в отделке по индивидуальным проектам он назвал прямой растратой.

Через одиннадцать месяцев вышло постановление.

Всё это — реальная предыстория, и без неё текст был бы подлогом. Но именно она делает седьмой пункт интереснее, а не безобиднее.

МЕХАНИЗМ, А НЕ АРХИТЕКТУРА

Экономия объясняет, почему прекратили строить с лепниной. Она не объясняет, зачем понадобилось отнимать награду за уже построенное.

А вот это и есть предмет.

Государство отменило собственное решение задним числом. Не по вновь открывшимся обстоятельствам — обстоятельства не открывались, дом стоял тот же. По смене курса.

Вчерашняя заслуга объявлена ошибкой. Вчерашняя высшая награда изъята. Персонально, по фамилиям, в нормативном порядке, актом высшей власти.

Ровно тот же механизм через три месяца двадцать один день применили к целой эпохе.

Сначала — к трём архитекторам. Потом — к тому, чьим именем называлась премия.

Порядок именно такой, и он проверяем по датам.

ЧТО Я УТВЕРЖДАЮ И ЧЕГО НЕ УТВЕРЖДАЮ

Здесь нужна одна фраза, и она будет одна.

Я утверждаю совпадение направления и опережение по дате. Причинной связи между ноябрьским постановлением и февральским докладом документы не дают, и я её не назначаю.

Но пространственный поворот произошёл раньше идеологического. Государство отказалось от языка, которым говорило о себе в камне,

прежде чем отказалось от собственного прошлого с трибуны.

Рядом стоит ещё одна дата того же года, которую обычно не ставят в этот ряд. В 1955 году Московский метрополитен перестал носить имя Лазаря Моисеевича Кагановича. Тоннели, станции и мрамор остались прежними.

Три случая за один год: у здания отняли премию, у метрополитена отняли имя, у эпохи отняли оценку. Одна процедура, три масштаба.

Чего в документе нет: критерия, по которому выбрали именно эти три фамилии. Богато отделанных зданий в Москве было больше. Почему Рыбицкий, Поляков и Борецкий, а не другие, — в постановлении не объяснено, и в доступных мне материалах объяснения тоже нет.

ЧТО ОСТАЛОСЬ СТОЯТЬ

Дом на Земляном Валу стоит. «Ленинградская» работает как гостиница. Здания пережили и премию, и её изъятие.

Это, пожалуй, единственное утешительное во всей истории: акт высшей власти может отменить оценку, но не может отменить построенное.

И ещё одно, что стоит сказать прямо.

Постановление 1955 года решало настоящую задачу: жильё в стране было в дефиците, и переход к типовому проектированию дал миллионам людей отдельные квартиры в течение полутора десятилетий. Спорить с этим — значит спорить с фактом.

Вопрос не в том, надо ли было переходить к экономии. Вопрос в том, зачем для этого понадобилось задним числом отбирать награду за уже стоящий дом.

По этому у людей обычно есть твёрдое мнение. Если государство однажды отменило собственную награду за здание, которое не изменилось, — чего вообще стоят его оценки, выданные в другую сторону?

Десятый материал сезона «Моя Москва», всего 11. В следующий раз — что государство поставило на месте своей главной несостоявшейся вертикали, когда вернулось к этому месту через двадцать лет.

Что налили в фундамент Дворца Советов

№ в серии: 54 из 233 · № в сезоне: 11 из 11 · Сезон: 5 «Моя Москва» · Дзен: 27.10.2026 · ЖЖ: 08.12.2026 · Теги: Историческая Россия, Моя Москва

16 июля 1960 года в Москве открыли бассейн под открытым небом — сто тридцать метров водной глади, проект Дмитрия Николаевича Чечулина.

Налили его в готовый фундамент высотной части Дворца Советов: четыреста пятнадцать метров, стометровая статуя Ленина наверху, конкурс выигран Борисом Михайловичем Иофаном 10 мая 1933 года.

Здание не отменяли и не осуждали. Оно просто осталось котлованом, а потом стало водой.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА, О КОТОРОЙ НЕ ПОМНЯТ

Сначала то, что обычно выпадает из рассказа: от Дворца Советов не отказывались.

В 1956–1958 годах прошёл новый конкурс — на другую площадку, на юго-западе. Работы обсуждали публично, участников награждали в мае 1958 года.

Ничем это не кончилось. Здание не построили, площадку не заняли, решения о закрытии темы в доступных мне документах нет. Проект просто перестал существовать — тихо, без акта.

Тогда же, в 1958-м, начали строить бассейн в старом фундаменте на Волхонке. Открыли 16 июля 1960 года. Между решением о втором конкурсе и открытием бассейна прошло около четырёх лет — ровно столько, сколько строили канал, давший городу воду.

Про этот бассейн рассказывают, что его испарения портили коллекцию Пушкинского музея через дорогу. Версия ходовая; документального подтверждения я не нашла и привожу её только затем, чтобы отвести.

Через месяц с небольшим у города изменилась граница.

ГОРОД СТАЛ ВДВОЕ С ПОЛОВИНОЙ БОЛЬШЕ

18 августа 1960 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР городская черта Москвы была установлена по Московской кольцевой автодороге — сто девять километров.

Территория выросла примерно в два с половиной раза, до восьмисот семидесяти восьми и семи десятых квадратного километра. В состав города вошли Бабушкин, Кунцево, Люблино, Перово, Тушино и ряд посёлков.

Резервы генерального плана 1935 года к тому моменту были исчерпаны: площадь Москвы составляла семнадцать тысяч шестьсот девяносто гектаров в 1917 году, двадцать девять тысяч триста девяносто один в 1938-м и тридцать пять тысяч шестьсот тридцать семь к 1960-му.

И вот тут произошло то, чего никакое отдельное постановление не объявляло. Ансамбль как форма организации столицы перестал быть возможным.

Город, который можно собрать вокруг единой вертикали, кончается на определённом размере.

За этой чертой можно проектировать расселение, транспорт, зоны — но не композицию.

Ровно об этом говорят следующие два здания.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ В КРЕМЛЕ

В 1959 году на территории Кремля снесли старое здание Оружейной палаты постройки 1806–1809 годов, Кавалерские корпуса и служебные постройки XVIII–XIX веков.

Ансамбль западной части Кремля был разрушен. Старая Оружейная палата — последний памятник архитектуры, уничтоженный в Кремле за советский период.

На освободившемся месте за шестнадцать месяцев построили Кремлёвский дворец съездов по проекту главного архитектора Москвы Михаила Васильевича Посохина. Зал на шесть тысяч мест. Открыт 17 октября 1961 года — XXII съездом КПСС.

31 октября 1961 года, на том же съезде, приняли решение о выносе тела Сталина из Мавзолея.

Между открытием зала и этим решением — четырнадцать дней.

В 1962 году семерым проектировщикам во главе с Посохиным присудили Ленинские премии.

Обратите внимание на арифметику.

Постановление об устранении излишеств действовало шесть лет, когда в Кремле возводили зал из стекла и мрамора и давали за него высшую премию страны.

Экономия распространялась на жильё. На здание для съездов она не распространилась.

Это наблюдение о поведении управляющего слоя, а не об архитектуре.

ПЕРЕДАТЧИК ВМЕСТО ХРАМА

Высшую точку страны построили заново, и получилась она не тем, чем задумывалась двадцатью годами раньше.

Решение о телебашне приняли в 1957 году. Окончательный проект Николая Васильевича Никитина — того самого, кто разработал коробчатый фундамент главного здания МГУ, — утвердили 22 марта 1963 года. Строительство закончили 4 ноября 1967-го.

Пятьсот сорок метров и один дециметр. На момент постройки — высочайшее свободно стоящее сооружение в мире.

Фундамент мелкого заложения, около четырёх с половиной метров. Число опор увеличили с четырёх до десяти, проектную высоту подняли с пятисот пяти до пятисот сорока.

Инженерно это выше и труднее Дворца Советов.

Семантически это отказ от вертикали как высказывания. Башня ничего не изображает. Она передаёт сигнал.

Там, где двадцатью годами раньше проектировали здание с фигурой наверху, теперь стоит антенна.

ДВА ЧЕРТЕЖА

3 июня 1971 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № 354 «О генеральном плане развития г. Москвы».

Территория расчленена на восемь планировочных зон с населением от шестисот тысяч до миллиона человек, разделённых зелёными клиньями.

Зоны состоят из планировочных районов по двести пятьдесят — четыреста тысяч. Предусмотрена система скоростных дорог. Прекращается развитие водо- и энергоёмких производств.

Теперь положите рядом два документа — постановление № 1435 от 10 июля 1935 года и постановление № 354 от 3 июня 1971 года.

Первый описывает, каким город должен выглядеть.

Второй описывает, как город должен работать.

Между ними — тридцать шесть лет и исчезнувшая задача. Ансамбль перестал быть государственным делом. Замысел не потерпел поражения и не был отменён: он был заменён расселением.

Ровно это же произошло с государством в целом. Оно перестало формулировать себя и стало себя обслуживать.

А бассейн простоял на месте несостоявшейся вертикали до 15 сентября 1994 года. Тридцать четыре года там, где должен был стоять смысловой центр страны, была тёплая вода, и в ней учились плавать несколько поколений москвичей, включая меня.

Вопрос, которым я закрываю сезон. Город, переставший быть высказыванием, — он от этого стал хуже или просто честнее относительно того государства, которое его строило?

Одиннадцатый, заключительный материал сезона «Моя Москва». Сезон окончен. Следующий — «Засыпанный рубеж».

СЕЗОН 6 · «ЗАСЫПАНЫЙ РУБЕЖ»

Материалов в сезоне: 11 · **Сквозные №:** 55–65 · **Дзен:** 28.10.2026 — 16.11.2026 · **ЖЖ:** 10.12.2026 — 30.12.2026